

Из-за критического упадка жизненных сил Гето Кибо погрузился в глубочайшее небытие. Неизвестно, сколько длился этот мрак, но когда ледяные воды смерти уже захлёстывали щиколотки, а душа готовилась окончательно оцепенеть, Кибо внезапно ощутил тепло.

Точь-в-точь как раньше, когда он прижимался к материнской груди.

«Мама...»

Изнурённое тело инстинктивно потянулось к этому спасительному источнику, и смертельная боль слегка утихла, отступив на задний план.

Когда же тепло вдруг стало ускользать, Кибо, даже не приходя в сознание, беспомощно протянул руку, пытаясь удержать его. Пальцы схватили лишь холодный воздух, и из груди мальчугана вырвался тихий, полный обиды всхлип.

— Всё хорошо. Скоро всё пройдёт, — раздался над самым ухом мягкий, до боли знакомый голос, от которого душа Кибо затрепетала. Чья-то ладонь ласково коснулась его макушки.

Обычно Кибо терпеть не мог, когда его гладили по голове: испортится причёска, замедлится рост, да и вообще недетское это дело. Но сейчас ему хотелось только одного — прижаться к этой тёплой ладони и замереть.

Ему так плохо. Погладь его ещё, ну же!

Увы, милосердное прикосновение тут же исчезло.

— Сёко, дальше дело за тобой, — голос говорящего слегка дрогнул, выдавая затаённый панический страх, который он, вероятно, и сам не осознавал. — Пожалуйста... спаси его.

В этом мире негативные эмоции людей служат питательной средой для порождения жутких монстров — проклятых духов. С незапамятных времён с ними сражались лишь маги да онмёджи, ведь обычное оружие против проклятий бессильно. Неведущие люди продолжали жить в иллюзии безопасности, даже не подозревая, что львиная доля новостей в прессе — лишь тщательно сфабрикованная ложь.

Желая уберечь обывателей от паники, способной породить новых тварей, Главное управление магии совместно с правительством строго разграничило обычный мир и мир магии.

Среди горных гряд на окраине Токио, под защитой барьера мастера Тенгена, на горе Энъдзан расположилось одно из двух официальных учебных заведений Японии — Токийский областной

высший колледж магических искусств.

Возле процедурного кабинета колледжа Гето Сутуру передал умирающего ребёнка в руки своей одноклассницы. Руководя подконтрольными проклятиями, он уложил двух других девочек на кушетки, дождался, пока закроется дверь и загорится красный сигнал «Идёт операция», после чего бессильно отступил на пару шагов и рухнул на скамью в коридоре.

Год назад он достиг особого ранга и стал одним из трёх сильнейших магов современной Японии. Однако сейчас этот обычно уверенный в себе третьекурсник выглядел так, словно перенёс сокрушительный удар. Сгорбившись и уперев локти в колени, он спрятал побледневшее лицо за сцепленными пальцами. Тёмные волосы растрёпанными прядями спадали на плечи, скрывая узкие, налитые кровью лиловые глаза.

Он не отрываясь смотрел на запертую дверь. В его взгляде читалась жуткая, фанатичная одержимость. В глубине глаз бушевал пожар, готовый испепелить саму его душу, волю — всё его существо.

За губами, скрытыми за скрещёнными пальцами, беззвучно промелькнуло:

«Всё бессмысленно».

Жизнь мага — это бесконечный марафон, в конце которого ждёт лишь гора трупов его товарищей.

Малышка Рико, Курои...

«Они смеялись. Они аплодировали. Они праздновали её смерть».

Обезьяны.

Мерзость.

Хайбара...

«Они питали ненависть, они молились, они отдавали свои эмоции проклятию, убившему тебя».

Всё бессмысленно.

Ошибка.

Уродство.

Обезьяны, обезьяны, обезьяны.

Бессмысленно! Всё абсолютно бессмысленно!

Так вот оно что... Вот в чём дело.

Всё, за что он цеплялся раньше, лишено малейшего смысла.

Сатору не раз подшучивал над его привычкой искать во всём «смысл» и «правильность», называя это уделом слабых. Заботиться о слабых — сплошная головная боль. Сугуру не хотел этого признавать, но именно идея «защиты слабых» долгие годы служила фундаментом его личности. Ему была необходима причина, чтобы продолжать.

Ведь его врождённая техника была слишком... слишком отвратительной!

Без высшей цели разве смог бы он терпеть этот тошнотворный вкус сфер проклятого духа, напоминающий грязную тряпку, которой вытирали рвоту? Смог бы день за днём изгонять и поглощать, поглощать и изгонять этих тварей, плодящихся, словно опарыши?

Ради кого?

Разве он мусорное ведро, куда выбрасывают грязные тряпки, чтобы страдать ради кучки проклятых обезьян?!

Он ошибался. Всё это время ошибался именно он.

Сатору — сильнейший. Но и Гето Сугуру, пусть и уступает ему в силе, способен на нечто большее.

Возможно... он сможет создать рай, где будут жить только маги.

Эта мысль захватила его без остатка. Не будет обычных людей — не станет и негативных эмоций, порождающих проклятия. А без проклятий его собратьям-магам больше не придётся умирать.

Сугуру озаарило. Из глаз едва не брызнули слёзы, но губы сами собой тронула безумная усмешка. Его разбитая вдребезги душа срослась вновь, скреплённая новообретённой, фанатичной идеей.

В таком случае жители деревни Старого Кагера, смеявшие считать троих маленьких магов монстрами, истязать их и держать в клетке, должны заплатить за содеянное. Заплатить своими

жизнями.

Да уж... Ему следовало понять это ещё там, в деревне.

Лицо Сугуру в мгновение ока ожесточилось, а при воспоминании об увиденном внутри закипела жажда крови.

Смерть Аманай Рико и сектанты из «Секты Чаши Звезды», нанявшие убийцу и аплодировавшие её гибели, оставались глубокой раной в его сердце. Он не мог, подобно Сатору, бросить тогда фразочку: «Может, перебить их всех? Сейчас меня это вряд ли смутит», а потом просто забыть и идти дальше по пути силы.

Сугуру отчаянно пытался заглушить боль морализаторством и правильными словами, в которые сам же верил. Даже Сатору, хоть и морщился от его «правильности», всё же подчинялся его решениям.

Но на деле единственным, кому требовалось оправдание, был сам Сугуру.

Он пытался убедить себя, но не мог отпустить прошлое.

Хайбара Ю всегда говорил, что делать всё, что в твоих силах — это уже здорово. Хайбара уважал его как старшего, и Сугуру любил этого младшего товарища, прислушиваясь к его словам в минуты сомнений.

А затем случилась гибель Хайбары, тяжелейшее ранение Нанами Кенто и его уход.

Гибель магов на заданиях — дело обычное. Никто не застрахован от смерти. Да и сам Сатору едва не сгинул от руки Тодзи.

Но Сугуру никак не мог смириться с тем, что проклятие, погубившее Хайбару, оказалось местным божеством, которому поклонялись сами деревенские жители. Они даже не признавали, что гибель их сородичей — дело рук их собственного «божества». Селяне не только мешали магам выполнять работу, но и своими подношениями усилили проклятого духа до первого ранга. В итоге Хайбара погиб, ценой жизни дав Нанами шанс спастись.

А затем ему поручили то самое расследование. Обычное, проходное задание, которое для мага особого ранга должно было стать лёгкой прогулкой.

И что же он там увидел?

Изгнав проклятие второго ранга и пополнив свою отвратительную коллекцию ещё одной сферой проклятого духа со вкусом блевотины, Сугуру столкнулся с деревенской «верхушкой».

Местные власти перегородили ему путь и с праведным гневом заявили, что уже поймали «монстров», повинных в смертях.

Селяне наперебой кричали о злодеяниях «монстров», расписывали, с каким трудом и риском их удалось запереть, и нагло требовали, чтобы профессионал немедленно их уничтожил.

Сугуру стоял перед клеткой. В ушах звенели крики деревенщины, а разум застрял в оцепенении.

В клетке сидели трое детей. Совсем крохи, лет четырёх-пяти.

Две девочки-близняшки — одна светловолосая с жёлтыми глазами, другая черноволосая с тёмными. Обе избитые, в синяках и рваном вранье. Обнявшись, они дрожали от страха, но отчаянно пытались заслонить собой третьего ребёнка.

А за их спинами...

Привычная мягкая улыбка слетела с лица Сугуру. Едва взглянув поверх голов испуганных девочек, он обомлел. Внутри клетки, свернувшись калачиком, лежал с закрытыми глазами обессиленный черноволосый мальчик.

Мысли отключились.

Сходство было настолько поразительным, что у Сугуру перехватило дыхание. Забыв о низости этих людей, о собственном будущем, он мог думать лишь об одном: «Он умирает».

Этот мальчуган, выглядевший как уменьшенная копия Сатору, умирал!

Что делать?!

Точно, Сёко! Обратная техника Сёко обязательно его спасёт!

И вот он передал крошечную копию Сатору и обеих девочек в руки Иэири Сёко. Сейчас она боролась за их жизни, и вскоре они наверняка поправятся. Но сам Сугуру, сидя в коридоре, даже не мог вспомнить, как вытащил их оттуда и как добрался до Токио верхом на проклятии.

Он действовал в слепой панике.

Мальчик, как две капли воды похожий на Сатору, но едва не погибший от рук обычных... нет, от рук обезьян, нанёс удар по самому уязвимому месту. Он воплотил в реальность самый кошмарный, затаённый страх Сугуру: даже если его лучший друг стал сильнейшим и ушёл

далеко вперёд, марафон магии всё равно может закончиться его трупом.

Сугуру иногда ругал себя за эту глупую тревогу — благодаря Обратной технике Сатору теперь практически бессмертен, но сердце отказывалось слушать разум.

Всю дорогу Сугуру прижимал мальчишку к груди, с трепетом и ужасом прислушиваясь к его слабому, угасающему сердцебиению. Разум превратился в кашу, он выжимал из летающего проклятия последнюю скорость, меняя одно на другое, лишь бы быстрее оказаться в колледже.

И только передав детей Сёко, почувствовал, насколько на самом деле истощён.

И дело было не только в потраченной магии, но и в жутком нервном перенапряжении.

Сугуру крепко зажмурился, сжимая кулаки.

Он спешил спасти детей, поэтому не расправился с той сворой обезьян сразу... Хм, хотя когда он ломал клетку, кто-то попытался ему помешать. Поделом, если тот ответный удар оказался смертельным.

Впрочем, неважно. Путь выбран. Как только «микро-Сатору» окажется вне опасности, надо будет попросить Ягу позаботиться о нём и о девочках. Магический колледж не приют для обычных людей, но для юных магов здесь всегда найдётся место.

<http://bllate.org/book/19572/1934522>